

Перевод В. Баканова (главы 1—18), В. Генкина (главы 19—30)

Пролог

В апреле 1932 года на пристани в Окленде, что в штате Калифорния, маленький мальчик со своими мамой и папой ждал парома на Сан-Франциско. Мальчик, которому было почти четыре года, заметил стоявшего неподалеку с жестяной кружкой слепого нищего, старого и седого, с седой бородой. Тогда он попросил у папы десятицентовую монетку и отнес ее нищему. Тот на удивление крепким, прочувствованным голосом поблагодарил мальчика и в свою очередь дал ему клочок бумаги, который мальчик показал отцу.

— Тут говорится о Боге, — сказал отец.

Маленький мальчик не знал, что нищий был, собственно, не нищим, а сверхъестественным существом, посетившим Землю для наблюдения за людьми. Прошли годы, мальчик вырос и превратился в мужчину. В 1974 году этот мужчина попал в ужасную ситуацию: ему грозили позор, тюремное заключение и даже, возможно, смерть. Именно тогда сверхъестественное существо вернулось на Землю, наде-

лило мужчине частью своего духа и избавило его от всех неприятностей. А мужчина так и не понял, почему сверхъестественное существо пришло ему на выручку. Он давно уже забыл слепого нищего и монетку в десять центов, которую ему дал.

Я хочу поговорить сейчас именно об этом.

Часть первая

ФИЛ

Глава 1

Мой друг Николас Брейди, который в здравом уме и доброй памяти помог спасти мир, родился в Чикаго в 1928 году, затем переехал в Калифорнию и большую часть жизни провел в Беркли. Ему запомнились столбы в форме лошадиных голов перед старыми домами в холмистой части города, трамвайчики, что подходили почти к самой пристани, и особенно туман. Позже, в сороковых, туман уже не скрывал Беркли по ночам.

Беркли времен трамвайчиков был тихим и спокойным местом, жизнь бурлила только в университете с его буйными студгородками и славной футбольной командой. В детстве Николас Брейди ходил несколько раз с отцом на игры, однако сути футбола так и не понял, даже не мог толком исполнить командную песню. Зато кампус, с его деревьями, тихими рощами и Клубничным ручьем, Николасу понравился; особенно понравилась водосточная труба, по которой тек ручей. Лучше этой водосточной трубы в кампусе вообще ничего не

было; летом, когда ручей мелел, Николас любил в ней поползать. Однажды кто-то его позвал и спросил, не учится ли он в колледже. Тогда ему было одиннадцать.

Как-то раз я спросил Николаса, почему он решил провести свою жизнь в Беркли, к сороковым годам превратившемся в шумный перенаселенный город, который студенты брали с боем, словно ряды товаров в магазинах были баррикадами.

— Черт побери, Фил, — ответил Николас, — Беркли мой дом!

Люди, которых Беркли притягивал, могли этому поверить, проведя в городе хотя бы неделю. По их мнению, иного достойного места не существовало. Особенно это проявилось, когда на Телеграфной авеню как грибы начали расти маленькие кафе и развернулось движение за свободу слова.

Хотя Николас жил в Беркли постоянно, в университете он учился всего два месяца, что отличало его от всех остальных — остальные учились вечно. По сути, население Беркли состояло из профессиональных студентов.

Университетским врагом Николаса была Служба подготовки офицеров резерва — в то время довольно сильная организация.

Маленьким ребенком Николас ходил в прогрессивный детский сад; его определила туда мать, которая в тридцатые была дружна с коммунистами. Позднее он стал квакером и вме-

сте с матерью сидел, как принято у квакеров, на Встречах Друзей в ожидании Святого Духа. Еще позднее Николас все это забыл — по крайней мере, пока не попал в университет, где ему вручили офицерскую форму и винтовку М-1. Его подсознание восстало, обремененное уроками прошлого. Он испортил винтовку; приходил на занятия по строевой подготовке одетым не по форме; завалил сдачу нормативов. Его предупредили: неудовлетворительные отметки в СПОРе влекут за собой автоматическое исключение из университета. На что Николас ответил: «Что будет, то будет».

Тем не менее, не дав исключить себя, он ушел сам. Ему исполнилось девятнадцать, с академической карьерой было покончено, а ведь он хотел стать палеонтологом. Обучение в Стэнфорде — другом крупном университете на берегу Калифорнийского залива — стоило чересчур дорого для Николаса. Его мать занимала мелкую должность в Департаменте лесного хозяйства; откуда у нее такие деньги? Николасу грозила необходимость идти на работу.

Университет он ненавидел всей душой и решил не отдавать военную форму. Он мечтал как-нибудь явиться на занятие по строевой подготовке с метлой и заявить, что это винтовка М-1. Тем не менее он и не думал открывать огонь из М-1 по своим офицерам-преподавателям — у винтовки был сточен боек. В те дни Николас еще не терял связи с реальностью.

Дело с возвращением офицерской формы решилось само собой: университетская администрация открыла его ящик в раздевалке и форму забрала, включая обе рубашки. Так Николаса формально отрезали от мира военных; возражения морального характера, а также всякие мысли о смелых акциях протеста выветрились из его головы, и он, подобно прочим студентам Калифорнийского университета, стал бродить по улицам Беркли — руки в задних карманах джинсов «Ливайс», на лице грусть, в сердце сомнения, в бумажнике только монетки. Николас до сих пор жил с матерью, которая от этого уже очень устала. У него не было знаний, не было специальности, не было навыков; была только тлеющая в душе злость. Вышагивая по улицам, Николас напевал строевую песню испанской Интернациональной бригады — коммунистической бригады, состоявшей в основном из немцев:

Vor Madrid im Schutzengraben,
In der Stunde der Gefahr,
Mit den eisernen Brigaden,
Sein Herz voll Hass geladen,
Stand Hans, der Kommissar.

Особенно ему нравилась строчка «Sein Herz voll Hass geladen», что означало «С сердцем, полным ненависти». Он пел ее снова и снова, спускаясь до Шаттука, а затем поднимаясь по

Телеграфной. Никто не обращал на него внимания, потому что для Беркли того времени это было обычное явление. Порой до десяти студентов в ряд, все в джинсах, вышагивали по улицам, распевая левацкие песни и сталкивая людей с дороги.

Ему помахала рукой женщина, стоявшая за прилавком магазинчика «Университетская музыка», что на углу Телеграфной и Ченнинг, — Николас частенько там просматривал пластинки. Он зашел внутрь.

— Ты не в форме, — сказала женщина.

— Я бросил этот фашистский университет, — ответил Николас, что в какой-то степени было правдой.

Пат извинилась — надо было обслужить покупателя, — а Николас взял сюиту из «Жарптицы», отнес диск в кабинку для прослушивания и поставил ту сторону, где гигантское яйцо раскалывается. Это соответствовало его настроению, хотя он не знал, что именно вылупится из яйца. На обложке пластинки художник изобразил просто яйцо — и еще какого-то типа с копьём, явно вознамерившегося яйцо разбить.

Позже в кабинку для прослушивания зашла Пат, и они поговорили о сложившейся ситуации.

— Может, Герб возьмет тебя на работу, — предположила Пат. — Ты знаешь наш товар